

EWA SADZIŃSKA

 <https://orcid.org/0000-0003-2045-8310>

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173
ewa.sadzinska@uni.lodz.pl

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ОБРАЗОМ САДА В ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА¹

OBSERVATIONS ON THE GARDEN IN ALEXANDER KUSHNER'S LYRICS

The article surveys how the European topos of the garden is reflected in Alexander Kushner's poetry, in the form of both continuations and modifications. The analysis of the poet's selected lyrical pieces reveals, on the one hand, a maintained relation with the tradition, while on the other, the emergence of certain new features – the latter connected with axiological transformations. The semiotic approach is applied, in which space is seen as an independent world-modelling category (V. N. Toporov and Yu. M. Lotman).

In Kushner's poetic picture of the world, the garden is a valuable image; it is multifaceted and multifunctional. The new features and meanings result from an individual reception of the garden(s), i.e. a new type of relationship between the subject and the presented space. For the poet, the garden is one of the main protagonists of his urban (and dacha) landscape. The diversity of his poetic incarnations allows us to state that it is a place with an exceptional atmosphere; an oasis of poetic imagination; a metaphor of creative consciousness; a space of memories – personal, historical, cultural; a contact zone of two spaces – real and imaginary; a meeting place with his beloved and with the poets predecessors; a space where past and present, life and creativity are combined. Regardless of the themes, pathos, and intonation (lyrical, dramatic, ironic) in Kushner's lyrics, the garden becomes an “entrance” to another space, the space of eternity.

Keywords: Alexander Kushner, garden, poetry of the Garden, literary tradition, artistic space

В статье исследуются поэтические отражения образа сада в лирике Александра Кушнера. На материале избранных стихотворений поэта прослеживается как связь с литературной традицией, так и модификации универсального образа. Применяется семиотический

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке филологического факультета Лодзинского университета (Fundusz Rozwoju Wydziału Filologicznego UŁ; проект «Топосы в лирике Aleksandra Kusznera: tradycja i nowatorstwo», 2022–2023).

подход, в котором пространство рассматривается как самостоятельная миромоделирующая категория (В. Н. Топоров и Ю. М. Лотман).

В поэтической картине мира Кушнера сад – ценностно значимый образ, он многолик и полифункционален. Его трансформации связаны с индивидуальным восприятием сада/садов, а именно с новым типом взаимоотношений лирического героя и изображаемого пространства. Для поэта сад – один из главных героев его городского (и дачного) пейзажа. Многообразию его поэтических воплощений позволяет констатировать, что это место с исключительной атмосферой, оазис поэтического воображения, метафора творческого сознания, пространство воспоминаний – личных, исторических, культурных, зона контакта двух пространств – реального и воображаемого, место встречи с любимой, с поэтами-предшественниками, пространство, где совмещаются прошлое и настоящее, жизнь и творчество. Независимо от тематики, пафоса, интонации (лирической, драматической, иронической) в лирике Кушнера сад становится «входом» в иное пространство, пространство вечности.

Ключевые слова: Александр Кушнер, сад, поэзия садов, литературная традиция, художественное пространство

В статье сад понимается как своеобразное культурное и эмоционально-ценностное место, обладающее высокой степенью интерсемиотичности. Учитывается семиотический подход, в котором пространство рассматривается как самостоятельная миромоделирующая категория (В. Н. Топоров и Ю. М. Лотман). Отправной точкой для нашей работы послужил нам труд Д. С. Лихачева *Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей* (1982), в котором садовый (садово-парковый) топос рассматривается как своеобразный синтез искусств и как особый микромир, «подобие Вселенной», особой книги – Библии, которая «отражает мир только в его идеальной сущности. Поэтому, – как считает Д. С. Лихачев, – и высшее значение сада – рай, Эдем»².

В европейской культуре сад, как известно, один из знаковых образов. Его символика, восходящая, с одной стороны, к Библии, с другой – к античной мифологии, превратилась в поэтический топос, выражающий несколько основных значений, которые со временем пополнялись и обогащались (ср. сад любви – сад Афродиты и Эроса, сад как символ удовольствий и радостей жизни, топос *hortus conclusus* — «сад заключенный»: эдем мысленный, рай духовный, вертоград небесный, сад как рай, символ для прославления Богородицы, символ добродетелей, мудрости, высокой духовности, нравственного совершенства и души праведника; сад как *locus amoenus* – возлюбленное место, прекрасный идиллический сад с утопическим ландшафтом, пением неземных птиц, многообразием цветов и деревьев, неиссякаемым плодородием, вечной весной; сад как отражение мира, желание гармонии

² Д. С. Лихачев, *Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей*, Ленинград: «Наука» 1982, с. 17.

с природой и полноты бытия)³. Во все эпохи образ сада выступал, как отмечает А. Г. Разумовская, мифопоэтической моделью мира и его идеальной сущности⁴. Таким образом, сад в литературе предстает как емкий образ, насыщенный богатой ассоциативностью, который обладает глубоким и идейным содержанием, охватывая духовные и нравственные ценности.

В русской литературе образ сада, по мнению исследовательницы, варьировался от обозначения мира прекрасных чувств до символики пространства поэтического уединения и мечтания. В культуре рубежа веков (у поэтов Серебряного века – К. Бальмонта, И. Анненского, О. Мандельштама, Вяч. Иванова, М. Кузмина, А. Ахматовой) стали складываться мифологемы садов разного типа: реальных, «мыслимых», столичных, провинциальных, садов иных эпох и земель, которые сохранились в поэзии XXI в.⁵

В статье, являющейся частью большого исследования темы, на отдельных узловых моментах рассматривается функционирование образа сада в лирике Александра Кушнера. Выявляются особенности его репрезентации, указываются как связи с литературной традицией, так и вариации и трансформации образа.

О значимости образа сада в поэзии Кушнера свидетельствует довольно большое количество стихотворений, в которых он воплощен. Сад, по верному замечанию Л. Е. Ляпиной, «постоянный, любимый поэтом образ, сопровождающий его и бесконечно многообразный в своих обличиях»⁶.

Так, в художественный мир стихотворений Кушнера с самого начала его творческого пути (1960-е годы) входят известнейшие петербургские «парадизы»: Летний, Таврический, Екатерингофский (старинный), Ботанический, Михайловский сады, а также малоизвестные, заброшенные сады, дачные, домашние садики, райские сады и сады «воображаемые», становясь неотъемлемой частью его поэтической картины мира вплоть до последних его стихотворений. Можно сказать, что с помощью образа сада формируется восприятие и понимание поэтом человека, искусства, мира в целом.

Уже поверхностное ознакомление с произведениями Кушнера позволяет констатировать, что при создании образа сада поэт основывается

³ Л. И. Сазонова, *Мотив сада в литературе барокко*, [в:] она же, *Литературная культура России. Раннее Новое время*, Москва: Языки славянских культур 2006, [электронный ресурс] <http://scibook.net/teoriya-literaturyi-istoriya/motiv-sada-literature-6477.html> [30.11.2021].

⁴ А. Г. Разумовская, *Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти*, диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Санкт-Петербург 2011, с. 3, [электронный ресурс] <http://cheloveknauka.com/sad-v-russkoj-poezii-xx-veka> [01.12.2021].

⁵ Там же, с. 5, 6.

⁶ Л. Е. Ляпина, «Таврический сад» А. С. Кушнера: контекстуальное прочтение, [в:] она же, *Мир Петербурга в русской поэзии: очерки исторической поэтики*, Санкт-Петербург: Нестор-История 2010, с. 129.

на традиционной трактовке, характерной для садово-паркового искусства в целом, религиозной и античной семантике, а также на литературной традиции данного образа в творчестве поэтов-предшественников.

В корпусе поэтических текстов Александра Кушнера выделяются стихотворения, в которых эксплицитно содержится лексема «сад» либо другие атрибуты садового пространства, совмещающие природные и культурные начала (деревья, цветы, плоды, аллея, дорожка, садовая скамейка, топонимы, мостики, статуи, пруды и другие артефакты). Сад, как и его составляющие, появляются в разных контекстах: идиллическом, элегическом, драматическом, ироническом и др. Среди них можно выделить следующие группы текстов:

- стихотворения с пейзажными зарисовками, сюжетные и так называемые «прогулочные» стихотворения, в которых сад выступает только местом локализации действия, выполняет роль декорации;
- стихотворения, в которых сад становится объектом изображения, своеобразным действующим лицом / активным и постоянным персонажем, спутником лирического героя, объектом его наблюдения, любования;
- стихотворения с ирреальным пространством (сад выступает средой сна, мечты, грез)
- стихотворения, в которых пространство сада раскрывается через аллюзии к другим художественным произведениям либо к картинам живописи.

Причем разницы между названными разновидностями текстов очень зыбки (в рамках одного стихотворения сад может выступать в нескольких ипостасях и в разных функциях).

Рассмотрим некоторые аспекты интересующей нас темы.

Пожалуй, самую большую группу составляют стихотворения, в которых сад изображен как природное пространство и выполняет декоративную функцию – упоминается как обстоятельственная, поясняющая деталь, как фон для описания хронотопа или переживаний лирического героя. Так, во многих стихотворениях Кушнера лирическая ситуация происходит на фоне сада (ср.: «Сад за решеткой зеленел»)⁷, в саду («[...] влюбленным / Что в том же прятались саду»)⁸, «в тени перетрбургских садов»

⁷ А. С. Кушнер, «Чего действительно хотелось...», [в:] он же, *Канва*, «Советский писатель», Ленинградское отделение 1981, [электронный ресурс] <https://rupoem.ru/kushner/chego-dejstvitelno-xotelos.aspx> [01.12.2021].

⁸ А. С. Кушнер, *Шашки*, [в:] он же, *По эту сторону таинственной черты. Стихотворения. Статьи о поэзии*, Санкт-Петербург: АЗБУКА 2011, с. 17. В дальнейшем все цитаты их стихотворений Кушнера, кроме особо отмеченных случаев, приводятся по этому изданию с указанием в тексте названия и страницы в скобках.

(«О здание Главного штаба!..», с. 14–15); «за дачным столиком [...] в саду» (стихотворение «За дачным столиком, за столиком дощатым...», с. 126). Среди темпоральных маркеров обозначены (эксплицитно или имплицитно) время суток либо время года: «ночью в саду», «вечерняя тьма в саду» («Вечерней тьмою был сведен на нет...», с. 230); «сад во мраке» («Отнимать у Бога столько времени...», с. 203); «темный сад», «в саду листва намокла» («Конверт какой-то странный, странный...», с. 49–50); «в саду сыро», «облетает сад»⁹, «заморозки забираются в сад» («Любил – и не помнил себя, пробудясь...», с. 76–77); «все сады в снегу» («Боже, ты показываешь зиму...», с. 2002); «зимний сад, летний, ночной сад»¹⁰.

Восприятие сада и его составляющих происходит посредством чувств: зрения, слуха, обоняния. Цветовая палитра зависит, конечно, от времени года («сверканье листвы», «сад за решеткой зеленел» – ср. «Чего действительно хотелось...», с. 25), «черная ограда, белый, мокрый куст»). Звуки в пространстве сада и его источники связаны, главным образом, с явлениями природы. Это пение птиц, шум деревьев, («Какое счастье, благодать...», с. 53), это и отсутствие звуков – безмолвие, тишина («притихший Летний сад» – ср. «Горячая зима! Пахучая! Живая!..», с. 115), а также голоса людей («Эта тень так прекрасна сама по себе под кустом...», с. 110) и музыка («На череп Моцарта, с газетной полосы...», с. 136). Среди запахов выделяются: грубый запах садовой крапивы (с. 136), «острый, жгучий, горячий, злодейский / пыльный дух подзаборной травы» (136), запах сирени и др.

Лирический герой Кушнера идет/гуляет «мимо сада», «вдоль сада» («По безлюдной Кировной, вдоль сада...», с. 187), «в тени петербургских садов» («О здание Главного штаба!..», с. 14), «ищет место на скамейке в саду».

Лирическая ситуация прогулки разработана во многих стихотворениях Кушнера (особенно раннего периода)¹¹. Поэт моделирует ее и в центре города, и на окраинах. Это не просто развлечение, а «повод для лирического переживания, источник раздумий [...], эмоциональных и эстетических впечатлений»¹². Толчком для размышлений становятся садовые (и шире – городские) приметы, которые сопровождают лирического героя не только в счастье, но и в неудачах, жизненных переломах. Так, переживающий

⁹ А. С. Кушнер, «Никто не виноват...», [в:] он же, *Земное притяжение. Книга новых стихов*, Москва: Время 2015, с. 26.

¹⁰ А. С. Кушнер, «Ах, эта ночь, этот плащ на железном гвозде...», [в:] он же, *Таврический сад*, [электронный ресурс] <https://iknigi.net/avtor-aleksandr-kushner/30926-tavricheskii-sad-izbrannoe-aleksandr-kushner/read/page-6.html> [01.12.2021].

¹¹ А. В. Кулагин, «Счастье прогулки свободной», [в:] он же, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...»: *Поэтический Петербург Александра Кушнера*. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт 2014, с. 30–58.

¹² Там же, с. 30.

любвонную неудачу, «хмурый и унылый» герой гуляет по зимнему, сырому саду («Чего действительно хотелось...», с. 25) либо в непогоду: «Туман над садом, над рекой...» (*Туман*).

Совсем в других тонах изображена прогулка счастливого лирического героя, переживающего наплыв любви. Поворот любовной темы в таких стихотворениях связан, по мнению А. Кулагина, с переменами в личной жизни поэта, которые произошли на рубеже 70–80-х гг. и определили новую эмоциональную атмосферу в стихотворениях¹³. В них сад становится либо местом встречи/свидания возлюбленных, пространством, в котором либо возле которого гуляет лирический герой, один или вместе с возлюбленной. Лирический герой подсвистывает птичке, восхищается зеленой листвою, ощущает свежесть в саду, он просто счастлив:

Вот счастье! Яркий синий день,
Блеск облаков над Летним садом¹⁴.

Прогулки у Кушнера связаны не только с любовной темой. Они сопровождаются раздумьями героя о себе, своей жизни, воспоминаниями о детстве, о счастливом прошлом.

Так, в стихотворении «Ветра невского свирепость...»¹⁵ упоминается район, в котором поэт провел счастливое и безмятежное детство, ср.: «зеленая Петроградская / самая светлая сторона». Лексема «зеленый» вызывает ассоциации с зеленью деревьев в Александровском парке, а лексемы «самая светлая» – придают высказыванию положительную эмоциональную окраску, вызывая положительные ощущения.

В стихотворениях Кушнера, как правило, отсутствуют подробные детальные описания сада, доминирует поэтика намека, ассоциаций или метонимические описания. Пространство сада выстраивается с помощью отдельных конкретных узнаваемых деталей: с одной стороны, это артефакты, указывающие на реальное пространство (решетки, статуи, беседки, фонтаны, пруды, канавки, мостики, ограды и ворота); с другой – природные составляющие сада: растительный и животный миры. Все они (рукотворные и природные) генерируют многообразие тем и мотивов¹⁶.

¹³ Там же, с. 48.

¹⁴ А. С. Кушнер, «У дома с мраморной доской...», [в:] он же, *Меж Фонтанкой и Мойкой...: книга стихов*, Санкт-Петербург: Издательство «Арка» 2016, с. 41.

¹⁵ Там же, с. 8.

¹⁶ А. Г. Разумовская, *Летний сад в поэтической традиции XX века: диалог пространства и слова*, [электронный ресурс] <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=425> [30.11.2021].

Гармоническая включенность отдельных артефактов (статуй, фонтанов) в природное пространство объясняется, по мнению М. В. Дудуровой, пониманием садово-парковой структуры как искусства¹⁷. Предметная детализация, как отмечает А. Г. Разумовская, вызывает главным образом круг культурных ассоциаций, отсылая к поэтам-предшественникам. Так, вслед за О. Мандельштамом, И. Анненским, А. Ахматовой в поэтический мир сада входят, например, статуи (ср. стихотворения *Аполлон в траве*, *Аполлон в снегу*, «Если б ведала статуя...»)¹⁸.

Кроме рукотворных маркеров сада внимание поэта обращено к флористическим мотивам, которые играют всё более важную роль. Заметно усиливается субъективно ощущаемая ценность отдельных элементов садового пейзажа, их личное, интимное восприятие. Можно предполагать, что сад и его составляющие обретают собственное значение для лирического героя, его ощущения сада. Это, в свою очередь, связано с личностным переживанием города как части собственной жизни¹⁹. По мнению Л. Е. Ляпиной, деревья, входя в городской пейзаж и закрепляясь в культурной памяти, обретают собственную жизнь и литературную судьбу в литературном контексте; они сами становятся лейтмотивами, сквозными образами, составляющими садового пространства. Такими лейтобразами в поэзии Кушнера являются клён, дуб и сирень²⁰, а также куст и другие обычные, никем не замеченные растения, как крапива, шиповник, боярышник.

Посредством флористических мотивов актуализируется и тема цикличности природы – символика увядающего и вновь расцветающего сада, мотивы цветения, перерождения. Наглядным примером является стихотворение *Осень*, в котором мотив увядания сада вводится посредством маркированной цитаты («Мой сад с каждым днем увядает...»), отсылающей к стихотворению Аполлона Майкова *Ласточки* (1856). Цитата введена в противоположный по настроению контекст. Вместо ожидаемого пессимистического настроения – у Кушнера восторг («И мой увядает! И мой!»)²¹. Стихотворение заканчивается сильным эмоциональным прорывом, характерным для поэтической манеры Кушнера. Лирический герой воспринимает окружающий мир (в том числе и природу) посредством литературы, культурной памяти. Природа не противопоставляется

¹⁷ М. В. Дудурова, *Пространственный образ «сад/парк» в поэзии И. Анненского и А. Ахматовой*, «Вестник Новгородского государственного университета» 2010, № 56, с. 24.

¹⁸ А. Г. Разумовская, *Летний сад...*, [30.11.2021].

¹⁹ Л. Е. Ляпина, *Поэты о флоре и фауне Петербурга*, [в:] она же, *Мир Петербурга в русской поэзии...*, с. 78.

²⁰ Там же.

²¹ А. С. Кушнер, *Осень*, [в:] он же, *Избранные стихи*, Санкт-Петербург: ООО Журнал «Звезда» 2016, с. 13.

культуре, а соединяется с ней, уравнивается в правах. Современный поэт пытается переосмыслить устоявшиеся связи между временем года и внутренним состоянием лирического героя, т. е. преодолеть настроения тоски, печали, грусти, традиционно связанные с наступлением осени. Кушнеру, как представляется, более близко пушкинское удивление и восторг перед меняющимися временами года, которые заявлены в стихотворении чуть раньше²². Ср.:

А тут, что ни день, перемены,
Слетает листок за листком.
И снова они современны
С безумным своим шепотком²³.

Кушнер поэтизирует природные явления, ищет в них – в их гармонических отношениях и цикличности – таинственный смысл.

Итак, в рассматриваемых выше стихотворениях образ сада не визуален, а более осязаем. Он не столько локус действия, сколько повод для развертывания лирического сюжета, толчок для житейских, философских, культурных, размышлений.

Как отмечает Е. Невзглядова, у каждого поэта свой сад, свои индивидуальные отношения с ним²⁴. Таким особым локусом – своеобразным *locus amoenus* («возлюбленное место») – среди петербургских садов является для Кушнера Таврический сад, занимавший важное место как в творческом сознании поэта, так и в его личной жизни. С 1980-х гг. Кушнер живет в районе, который примыкает к Таврическому саду (Калужский переулок)²⁵. Об этом заявляет сам поэт:

Мне повезло: я живу рядом с Таврическим садом. С моего балкона на шестом этаже за крышами домов, стоящих вдоль Таврической улицы, видны верхушки его клёнов и дубов. Трудно найти лучшее место для прогулок [...] в нем есть и луга, и рощи,

²² См.: E. Sadzińska, *Образ осенней дачи в лирике Александра Кушнера*, [в:] *А Русский язык и культура в эпоху глобализации című nemzetközi konferencia tanulmánykötete*, ред. V. Végvári, R. Wolosz, Pécs, Magyarország: Pécsi Tudományegyetem BTK Szlav Filológia Tanszék 2020, с. 113–121.

²³ А. С. Кушнер, *Осень...*, с. 13.

²⁴ Е. Невзглядова, *Сады в русской поэзии*, «Звезда» 2013, № 10, [электронный ресурс] <https://magazines.gorky.media/zvezda/2013/10/sady-v-russkoj-poezii.html> [12.12.2021].

²⁵ А. С. Кушнер, *Таврический сад*, [в:] *В Питере жить: от Дворцовой до садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории*, сост. Н. Соколовская, Е. Шубина, Москва: Издательство АСТ 2019, с. 320.

и чащи, и таинственные уголки, и даже островки [...] а еще и пруды, протоки, мостики, зеленая ряска, степенные, важные утки и легкомысленные белые чайки...²⁶.

В Таврическом саду поэта привлекают не только природные составляющие, но и весь связанный с ним историко-культурный багаж. Именно близость к одному из «мифологических» центров Петербурга усиливает культурную ауру парка, вызывает многочисленные историко-культурные ассоциации, которыми пропитаны его стихотворения: с античностью (столь важной для поэта), русской историей (присоединение Крыма к России, дворец Потемкина) и классической литературой (с К. Батюшковым, А. Пушкиным, Ф. Достоевским и др.), поэтами Серебряного века (петербуржцами А. Блоком, И. Анненским, А. Ахматовой и др.). Среди них ярко выделяются два – *Таврический сад*, датированное 1982 годом, и стихотворение 2003 года под заглавием *Сад*.

Первое из них пронизано таврическими, крымскими ассоциациями. По замечанию самого автора, «оно „густое“, метафорически напряженное, сквозь него надо медленно „продираться“, пробираться, как сквозь садовые заросли»²⁷. Попытки уловить те и другие отсылки уже проводились в научной литературе (Л. Е. Ляпина, А. Г. Разумовская, А. В. Кулагин)²⁸. Пожалуй, самый подробный и убедительный анализ принадлежит Л. Е. Ляпиной, которая выявила многочисленные как авторские (книжные, биографические, стилистические), так и общекультурные контексты (исторический, географический, топонимический, бытовой, литературный). Контекстуальное прочтение кушнеровского стихотворения позволило исследовательнице уловить «внутреннюю логику сюжета, который, оттолкнувшись от Таврического сада, переводится в регистр философских размышлений о жизни, ее главных ценностях, о поэзии, об отношении героя к миру»²⁹.

Во втором стихотворении Таврический сад населен тенями умерших. Ср.:

Через сад с его кленами старыми,
Мимо жимолости и сирени
В одиночку идите и парами,
Дорогие, любимые тени.

(*Сад*, с. 200).

²⁶ Там же, с. 317, 318.

²⁷ Там же, с. 321.

²⁸ См.: Л. Е. Ляпина, «Таврический сад» А. С. Кушнера: контекстуальное прочтение, [в:] она же, *Мир Петербурга в русской поэзии...*, с. 126–137; А. Г. Разумовская, *Сад в русской поэзии XX века...*; А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел...», с. 110–113.

²⁹ Л. Е. Ляпина, «Таврический сад» А. С. Кушнера..., с. 134.

Под этими «дорогими, любимыми тенями» подразумеваются Иннокентий Анненский, Александр Блок и Анна Ахматова, проходящие когда-то через этот сад на башню к Вячеславу Иванову. Ср.:

Знаю, знаю, куда вы торопитесь,
По какой заготовке домашней,
Соответственно списку и описи
Сладкопевца, глядящего с башни (201).

Таким образом, Таврический сад перестает быть местом счастливой любви и трансформируется в оазис творческого воображения, предстает как зона контакта двух пространств – реального и воображаемого, в которой совмещаются прошлое и настоящее, жизнь и творчество.

Разновидности «воображаемых» садов у Кушнера сопряжены с мотивами сна, мечты. Не вдаваясь в подробный анализ, приведем некоторые примеры. Отметим лишь, что сад включен в самые фантастичные ассоциативные ряды. Так, в стихотворении «Мне приснилось, что все мы сидим за столом...» сад изображен как место встречи прирученных поэтов:

Мне приснилось, что все мы сидим за столом,
В полублеск облачась, в полумрак,
И накрыт он в саду, и бутылки с вином,
И цветы, и прохлада в обнимку с теплом,
И читает стихи Пастернак...
И смеётся, и так это нравится всем,
Только Лермонтов: «Чур – говорит, – без поэм!
Без поэм и вступления в Леф!» (156)

В стихотворении «Ох, я открыл окно...» сад во сне уподобляется раю – саду иному, нездешнему, ср.: «И спал, и счастлив был, как бы в саду ином, / С невнятным, вкрадчивым и неземным названьем» (с. 161).

В качестве других примеров можно назвать стихотворения, в которых изображены – порой неожиданные – представления о саде-рае, ср.: «Я рай представляю себе, как подъезд к Судаку, / Когда виноградник сползает с горы на боку / И воткнуты сотни подпорок» (162).

Или:

Рай – это место, где Пушкин читает Толстого.

Это куда интереснее вечной весны.

Можно, конечно, представить, как снова и снова

Луг зацветает и все деревца зелены³⁰.

Образ сада будет неполным, если не упомянуть о райской символике и библейских коннотациях. Русская поэзия, как известно, опиралась (имплицитно) на христианский концепт сада, обогащенный европейским культурным опытом. Кушнер следует этой традиции, актуализируя такие райские приметы, как замкнутость сада (ограда, *hortus conclusus*), тоску по утраченному раю, пышную растительность, золотой/чистый воздух, виноград и др. Вот некоторые примеры: «зеленый сад, зелень густая» («Чего действительно хотелось...», с. 25), «свежий сад» («Но и в самом легком дне...», с. 25), «рай в саду» («И если в ад я попаду...», с. 42), «райский сад» (*Посещение*, с. 82), «зеленые листья», «дымится сад чудесный, блещущий рай» (*Небо ночное*, с. 96), «райские рощи» («Смысл постичь небесный...», с. 169), «пылающий эдем» («Живущий в доме том не знает...», с. 207), «Бог-Отец, духовные плоды» («Вот и я пасу своих овец...», с. 230).

В образе сада-рая актуализируется у Кушнера и сугубо восточнославянская традиция, в которой искусство слова связано с «насаждением и возделыванием сада»³¹. Так, процесс творчества уподобляется искусству создания сада в стихотворении «Вот и я пасу своих овец...». Лирический герой, наподобие Бога – вечного Садовника, возделывает свой вертоград: «Вот и я возделываю сад, / И доволен мною Бог-Отец» (с. 230). В творчество, как и в сад, вложено много сердца и сил. Стихотворные строки – это духовные плоды, которые живут по другим законам. В них видны чувства – грусть, трепетание, страх, но всё это преодолено, ср.: «[...] в стихи заглянешь ты / И увидишь, что не одинок» (с. 230).

В одном из более поздних стихотворений – «Художник работает быстро, быстрее меня...» – эта традиция распространяется и на другие виды искусства, в том числе и на живопись (ср.: «Искусство и есть садоводство»)³².

Наконец приведем пример стихотворения, в котором пространство сада раскрывается через отсылки к другим художественным произведениям либо

³⁰ А. С. Кушнер, «Рай – это место, где Пушкин читает Толстого...», [в:] он же, *Избранные стихи...*, с. 370.

³¹ Более подробно об этом см.: Л. И. Сазонова, *Мотив сада в литературе барокко...*, [12.12.2021].

³² А. С. Кушнер, «Художник работает быстро, быстрее меня...», [в:] он же, *Земное притяжение...*, с. 34.

к картинам живописи. Кушнер нередко соотносит свой лирический сюжет с сюжетами или творческой судьбой других мастеров любого вида искусства³³.

Так, в стихотворении «Слово „нервный” сравнительно поздно...» (с. 69) содержится эксплицитная реминисценция из чеховского *Черного монаха* – перечисляются опорные образы повести, ср.: «Коврин, Таня, в саду дымовая / Горечь, слезы и черный монах». Стихотворение завершается констатацией: «жизнь – кроме высоких материй, это то что мучает всех и роднит». В стихотворении «Конечно, русский Крым, с прибором под скалою...»³⁴ в ялтинском саду образ скупающей дамы с собачкой вызывает ассоциации с одноименной повестью Чехова. Примеры можно множить.

Подобные смысловые коннотации вызывает стихотворение *Арльские дамы*, которое отсылет к картине Ван Гога *Воспоминание о саде в Эттене* (1888), хранящейся в Эрмитаже (интересно будет отметить, что полотно голландского художника известно также под названием *Арльские дамы*).

На картине изображены три женщины на фоне пейзажа, в саду (Эттен – маленький голландский городок. Упомянутый в названии картины сад – сад родительского дома художника в Голландии). По своему эмоциональному строю *Арльские дамы* – произведение сложное. Лица идущих женщин задумчивы и печальны, вызывают у зрителя чувство тревоги.

Отметим, что голландская коллекция в Эрмитаже не раз подсказывала Кушнеру лирический сюжет. Второе заглавие картины, вынесенное в сильную позицию текста, сразу же отсылает к шедевру Ван Гога. В тексте упоминается имя художника и биографические аллюзии. В стихотворении с поэтической точностью передаются детали живописи. Отметим и оригинальный смысловой поворот:

Так почему ж эти арльские дамы мрачны?
 Так почему же цветы их не радуют эти?
 Словно их мучает темное чувство вины,
 [...]
 Он же для вас легкомысленный выбрал сюжет,
 Что ж вы его так подводите, арльские дамы?³⁵

Пространство полотна и пространство сада в стихотворении соединяются. Картины обогащают поэтический диалог Кушнера с литературной традицией изображения садов.

³³ А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел...», с. 89.

³⁴ А. С. Кушнер, «Конечно, русский Крым, с прибором под скалою...», [в:] он же, *Земное притяжение...*, с. 59.

³⁵ А. С. Кушнер, *Арльские дамы*, [в:] он же, *Земное притяжение...*, с. 67.

Итак, приведенные выше интерпретации воплощений сада в лирике Кушнера позволяют сделать некоторые – предварительные – выводы. Не претендуя на полноту освещения темы, мы попытались наметить возможные аспекты комплексного исследования темы.

В поэтическом мире Кушнера сад многолик и полифункционален. Это не столько реально существующее место, сколько воображаемое, выстраивающееся с помощью ряда конкретных узнаваемых деталей. Эти составляющие генерируют многообразие тем и мотивов.

Сад – ценностно значимый образ, он концептуализирован. Обнаруживается связь с другими ключевыми темами и концептами авторской картины мира: любви, творчества, поэзии, сна, мечты, времени, жизни, смерти и бессмертия.

Трансформации образа сада у Кушнера связаны, как представляется, с индивидуальным восприятием сада/садов, а именно с особым типом взаимоотношений лирического героя и изображаемого пространства. Для Кушнера сад – один из главных героев его городского, а также дачного пейзажа. Анализ его поэтических воплощений позволяет констатировать, что сад для поэта – место с исключительной атмосферой; это оазис поэтического воображения, метафора творческого сознания; пространство воспоминаний – личных, исторических, культурных; зона контакта двух пространств – реального и воображаемого; место встречи с любимой, с поэтами-предшественниками, – пространство, где совмещаются прошлое и настоящее, жизнь и творчество. Независимо от тематики, пафоса, интонации (лирической, драматической, иронической) в лирике Кушнера сад становится «входом» в иное пространство, пространство вечности.

References

- Dudurova, Mariya V. "Prostranstvennyi obraz 'sad/park' v poezii I. Annenskogo i A. Akhmatovoi". *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 56 (2010): 22–27.
- Kulagin, Anatolii V. "Ya v etom gorode provel vsyu zhizn svoyu...": *Poeticheskii Peterburg Aleksandra Kushnera*. Kolomna: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi sotsialno-gumanitarnyi institut, 2014.
- Kushner, Aleksandr S. „Akh, eta noch, etot plashch na zheleznom gvozdė...”. In: *Tavricheskii sad*. <https://iknigi.net/avtor-aleksandr-kushner/30926-tavricheskii-sad-izbrannoe-aleksandr-kushner/read/page-6.html>
- Kushner, Aleksandr S. "Chego deistvitelno khotelos...". In: *Kanva*. Leningradskoe otdelenie: "Sovetskii pisatel", 1981. <https://rupoem.ru/kushner/chego-dejstvitelno-xotelos.aspx>
- Kushner, Aleksandr S. *Izbrannye stikhi*. Sankt-Peterburg: OOO Zhurnal "Zvezda", 2016.
- Kushner, Aleksandr S. *Mezh Fontankoi i Moikoi...: kniga stikhov*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo "Arka", 2016: 41.
- Kushner, Aleksandr S. *Po etu storonu tainstvennoi cherty. Stikhotvoreniya. Stati o poezii*. Sankt-Peterburg: AZBUKA, 2011: 17.

- Kushner, Aleksandr S. *Tavricheskii sad*. In: *V Pitere zhit: ot Dvortsovoi do Sadovoi, ot Gangutskoi do Shpalernoj. Lichnye istorii*, eds. N. Sokolovskaya, Ye. Shubina. Moskva: Izdatelstvo AST, 2019: 317–327.
- Kushner, Aleksandr S. *Zemnoe prityazhenie*. Moskva: Vremya, 2015.
- Lapina, Larisa Ye. *Mir Peterburga v russkoi poezii: ocherki istoricheskoi poetiki*. Sankt-Peterburg: Nestor Istoriya, 2010.
- Likhachev, Dmitrii S. *Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stilei*. Leningrad: "Nauka", 1982.
- Nevzglyadova, Yelena. "Sady v russkoy poezii". *Zvezda*. No. 10 (2013). <https://magazines.gorky.media/zvezda/2013/10/sady-v-russkoj-poezii.html>.
- Razumovskaya, Aida G. *Letnii sad v poeticheskoi traditsii XX veka: dialog prostranstva i slova*. <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=425>
- Razumovskaya, Aida G. *Sad v russkoi poezii XX veka: fenomen kulturnoi pamyati*. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2011. <http://cheloveknauka.com/sadv-russkoy-poezii-xx-veka>
- Sadzińska, Ewa. *Obraz osennei dachi v lirike Aleksandra Kushnera*. In: *A Russkii yazyk i kultura v epokhu globalizatsii című nemzetközi konferencia tanulmánykötete*, eds. V. Végvári, R. Wolosz. Pécs, Magyarország: Pécsi Tudományegyetem BTK Szláv Filológia Tanszék, 2020: 113–121.
- Sazonova, Lidiya I. *Motiv sada v literature barokko*. In: *Literaturnaya kultura Rossii. Rannee Novoe vremya*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur, 2006. <http://scibook.net/teoriya-literaturyi-istoriya/motiv-sada-literature-6477.html>

Received: 25.08.2022. Verified: 20.10.2022. Accepted: 23.10.2022.
 © by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)